

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
“РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК СЕМНАДЦАТЫЙ:

Лев Чиворепла
ИНФОРМАЦИЯ

Юрий Епанчин
**ИНФОРМАЦИОННАЯ СФЕРА И
ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА**

Валерий Пунтус
ПРОЕКТ ФОРМУЛЫ ОБЩЕСТВА

Август 2003

Экологические даты

- 11 января - День заповедников;
- 21 марта - "Навруз" - наступление весны;
- 22 марта - всемирный День воды;
- 23 марта - всемирный метеорологический день;
- 29 марта - День защиты Земли;**
- 7 апреля - Всемирный День здоровья (ВОЗ);
- 22 апреля - День планеты Земля;**
- 3 мая - День Солнца (ЮНЕП);
- 31 мая - всемирный день против курения (ВОЗ);
- 5 июня - день охраны окружающей среды;
- 16 июня - Всемирный день защиты от опустынивания;
- 26 июня - Международный день борьбы с наркоманией и наркобизнесом;
- 11 июля - Всемирный день народонаселения;
- 6 августа - День действий по запрещению ядерного оружия;
- Неделя в сентябре - Всемирная акция очистим планету от мусора;
- 16 сентября - День борьбы в защиту озонового слоя;
- 22 сентября – учреждение Этического движения «Родная Земля»;**
- 23-29 сентября - дни моря;
- 1-й понед. октября - Всемирный день жилища (Ойкос, то есть эко);
- 7 октября - всемирный День охраны мест обитания;
- 2-я среда октября - Международный день защиты от стихийных бедствий;
- 10 октября - день Природы Центральной Азии;
- 14 октября - Международный день стандартизации;
- 16 октября - Всемирный день питания;
- 17 октября - Международный день борьбы с нищетой;
- 24 октября - Всемирный день действий за доступность информации;
- 24 - 30 октября - Неделя за разоружение (?);
- 10 ноября - Всемирный день молодежи;
- 11 - 18 ноября - Международная неделя науки и мира;
- 20 ноября - День отказа от курения;
- 1 декабря - Всемирный день борьбы со СПИДом;
- 3 декабря - Международный день инвалидов;
- 5 декабря - Международный день добровольцев.

[Полный список на сайте](http://volunteers.freenet.uz)

<http://volunteers.freenet.uz>

ИНФОРМАЦИЯ

Информация рациональная

Кто-то считает понятие "информация" очень важным, мотивируя тем, что мы вошли в эпоху информационных технологий. Мало ли, куда мы вошли? Падение нравов, безоглядный вещиизм, разрушение экологии - все есть вокруг нас, но оно не главное в основании мира. Я рассматриваю информацию и даю ей определение с позиций концепции, излагаемой в трактате. Поскольку есть два типа мышления - рациональное и этическое, то есть и два вида информации. Буду пока говорить лишь об информации рационального мышления.

Сообщение несет информацию о некотором объекте постольку, поскольку **экономит** труд его изучения. Отсюда следует, что потребителем информации является разум, и информация субъективна. Мы можем говорить условно об объективности ее тогда, когда она является таковой для многих субъектов (хотя, скорее всего, в разной мере). Информацию не следует отождествлять со знанием. Последнее также экономит труд мышления, но оно уже пребывает в сознании, как некоторая константа, запас. Информация появляется в процессе пополнения знания, на переходном этапе от незнания к знанию, и труд именно этого процесса она должна экономить. Поскольку объект никак не может сэкономить нам труд по изучению его самого, то свойства его не могут интерпретироваться как информация о нем. Поэтому следует четко разграничивать понятия "свойства" и "информация". Свойства служат информацией, но о другом - о родителе объекта. Предположим, мы изучаем код некоторой программы. Является ли программа информацией о себе? Нет, потому что здесь нет экономии, но есть объект изучения. Однако, если нас интересует характер и стиль ее автора, то программа является источником информации. Такая же ситуация с информацией в электроне. Если, "глядя на электрон", нас интересует устройство его, то нет экономии труда познания. Но, если на электрон посмотреть, как на произведение иного процесса, то он становится источником информации об ином процессе.

На практике, и про электрон мы черпаем информацию из иных процессов, поэтому разделение мировой субстанции на объекты - есть акт структуризации, где мы условно отделяем объект от его родителя, и говорим, что он несет информацию только о своем родителе. Как носитель информации, электрон может рассматриваться при постановке проблемы его происхождения. Структуризация происходит в голове исследователя. Он мир представляет иерархически, где свойства каждого уровня являются информацией о более глубоком уровне. Информация, таким образом, - следствие иерархического представления о мире.

Итак, свойства объекта не являются информацией о самом этом объекте. Однако они могут стать информацией, если отразить, зафиксировать их в свойствах другого объекта (бумага, камень, холст). Создание информации об объекте - самостоятельное действие, сходное с действием созидания объекта. Конечная цель ее - наиболее эффективно

осуществить воссоздание объекта, избежав постоянное погружение в коллизии его собственной **сложности**. Порождение такого рода описаний (алгоритмов, которые, в идеале, доступны "интеллекту" робота) - основная задача естественной науки.

В природе нет специально записанной информации. Есть лишь вещи, несущие информацию о своем происхождении. В этом пункте нужно быть особенно внимательным при рассмотрении понятия информации. Материализм может признавать существование не зависящей от человека информации только в форме "данных", т.е. в форме свойств объектов, воздействующих на природные процессы. Но когда произносится словосочетание "информация о..." (скажем, "электрон содержит информацию о вселенной") то чаще всего это, в рамках материализма, не имеет смысла. Ибо зафиксированная информация о других объектах предполагает наличие языка их описания и смыслового процесса интерпретирующего это описания в каких-то иных эмпириях.

Основная коллизия феномена информации связана с неуместностью труда в материи, труда, который она экономит. С одной стороны, она уменьшает общий груз неуместности деяний разума, с другой - самой этой неуместностью характеризуется. Но, если мы не можем обойтись без неуместного созидания, то уж лучше воспользоваться информацией, и это, скорее всего, неизбежно, ибо наша жизнь протекает в материи. Но все же важно не преувеличивать необходимость информационной пищи, принимать ее экономно, лишь по необходимости. Нужно сдерживать страсть к информации. Ибо информация, в конечном счете, говорит лишь об одном - о грехе и зле, породившем материю. Чем больше знания мы впитали, тем больше усилий необходимо нам потратить на включение его в целостную систему взглядов, больше "концов свести с концами". Для человека с неустойчивой этической базой этот избыток чреват духовным опустошением. Вот слова Л.Н. Толстого: "Лучше знать меньше, чем можно, чем знать больше, чем нужно. От многознайства люди бывают довольны собой, самоуверенны и от этого глупее, чем они были бы, если бы ничего не знали." (книга Л.Н. Толстого "Путь жизни", стр. 255).

Итак, информация имеет два истока: (1) свойства объекта, (2) фиксированные человеком данные об объекте. По мере развития цивилизации второй источник становится основным. Здесь обитают идеологии, заблуждения, ложь, и все, что ведет к потере ценности и доверия к информации. Много истин мы вынуждены перепроверять. Информация вообще имеет далеко не самый возвышенный этический статус, а здесь, и вовсе, она демонстрирует свою косность, искусственность.

Помимо указанных двух, существует еще один источник информации - непосредственное общение, где информация процесс обогащен переживанием, которое, хоть и в минимальном объеме, присутствует даже в производственном общении. Сопереживание придает рациональной составляющей ту или иную степень достоверности. Следует, однако, заметить, что не информация, а именно сопереживание является ценностью настоящего общения.

Информация этическая

Обратимся теперь к информации этической. К ней относятся, например, литература, религиозные источники, искусство. Этическое восприятие имеет особенности, позволяющие нам, пожалуй, исключить его из феномена информации. Дело в том, что по отношению к этическому мышлению понятие "экономия" не корректно. Ведь включение в процесс этического сопереживания желательно и необходимо. Этическое мышление нельзя и ненужно экономить, ибо оно есть суть бытия разума. Внешнее возмущение в этом случае оценивается совершенно по иному, а именно, - по тому, насколько высоко то чувство, которое оно вызывает. В идеале, оно должно возвращать индивида к смыслам, ставшим для него "рекордом" личного смыслового процесса.

Информация имеет одностороннюю связь с мировыми смыслами. Восприятие ее непременно опирается на смысловой багаж индивида, но сама информация, в чистом виде, никаких новых смыслов индивиду не прибавляет. В процессе восприятия происходит явление привлечения их, априори пребывающих в личности. Это действие непременно этическое. Однако в случае рациональной информации индивид должен как бы сделать этическое усилие над собой, так как без сопереживания ему не удастся привлечь смысл. В случае же "этической информации" этого усилия не требуется, ибо сама информация способствует любви. Получается так, что заинтересованность в этической информации для человека естественна, а в рациональной - обусловлена необходимостью выживания.

Одна и та же информация имеет разную цену для разных людей, вызывает разные ассоциации, а смыслы универсальны, и рост информированности вовсе не свидетельствует об обогащении смыслами.

*Из книги «Образы сущего»,
март 2006.*

*Юрий Епанчин, к.и.н.,
г.Саратов*

ИНФОРМАЦИОННАЯ СФЕРА И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Разработки Норберта Винера, названного "отцом кибернетики", положили начало не только новым возможностям в создании многоуровневых сложноорганизованных автоматических систем, внедрению изошренных компьютерных технологий, но и изменили сам взгляд на человека и общество, сделали возможным подходить к ним с мерками "модельного" мышления. Креативность природных и общественных процессов стала принципиально сводиться к принципу выполнения определенных компьютерных программ. Открытия генетики, молекулярной биологии, психофизиологии вернули общественному сознанию старый постулат французских просветителей: "Человек – это

машина". Возможности политиков осуществлять управление обществом стали измеряться количеством заложенной в их компьютеры бит информации о социальных явлениях.

Крепко сколоченные программистами математические модели "экономического и социального развития" определяют на многие годы политику государств и правительств, банков и корпораций. В условиях глобализации экономических и политических процессов подобные модели фактически диктуют нормы жизни всему человечеству, хочет оно того или нет. Казалось бы, в чем вопрос? Если соответствующие политические структуры располагают всем необходимым объемом информации и принимают оптимальные решения, то принцип разумности диктует им необходимость подчиниться. Всякий же не принимающий установленного порядка и сопротивляющийся ему должен быть подвергнут остракизму, и лишиться возможности мешать общественному спокойствию. Если же правительство совершает какие-то ошибки, то соответствующие специалисты в корректной форме должны указать ему на это. И уж, во всяком случае, не следует по всякому поводу разжигать массовые страсти и сеять панику и анархию.

С такой стройной логикой невозможно спорить. И на уровне обыденного мышления подавляющее большинство готово признать её правоту. Никогда народные массы не поднимали бунтов, не устраивали революций из-за отвлеченных теорий и туманных философских категорий, так как подсознательно чувствовали, что в подобных катаклизмах им придется жертвовать собственной шкурой. Однако революции всё-таки происходили, вовлекая в свой водоворот громадные людские толпы, которые свержали правительства, топтали стражей порядка, шли под выстрелы и нагайки. Так случалось, что общественный строй, который одно время все считали хорошим, потом терпимым, становился, в конце концов, невыносимым и ненавистным.

Из этого вовсе не следует, что революции совершаются от отчаяния и злобы. От отчаяния накладывают на себя руки, из злобы убивают соседа или случайного прохожего, а не идут свержать власть. На революцию решаются в том случае, когда есть надежда, когда видят возможность иной жизни, когда сформировался её устойчивый образ. То есть люди уже владеют информацией о будущем, живут им и стремятся устранить преграды, которые мешают его осуществить. А это уже мировоззренческая проблематика, и мы опять возвращаемся к философии.

Согласно марксистской теории духовная сфера жизни общества относится к "надстройке" над экономическим базисом. Упрощённая схема выглядит следующим образом: накопленные в ходе практической производственной и общественной деятельности сведения перерабатываются в сознании человека в мыслительные продукты, которые, в свою очередь, формируют отношение к природе, упорядочивают производственные и социальные процессы. Из этого опыта образуется человеческая культура – определённым образом организованная информация, обеспечивающая трансляцию навыков и

знаний из поколения в поколение. Развитие культуры, то есть накопление и усложнение базовой информации, приводит опять-таки к усложнению и разветвлению социальной структуры, росту узкой специализации и формализации человеческих действий. Наиболее ярким проявлением такой формальной связи стали товарно-денежные отношения. Они тесно связаны с институтами частной собственности и права.

Изложение учения К.Маркса не входит в мою задачу, хотя и могло бы быть полезным в сугубо просветительских целях. Старые поколения пренебрегали его изучением, считая достаточным знание агитпроповских басенок о злых буржуях и добрых рабочих и крестьянах, а у современной молодежи выработался стойкий иммунитет ко всякой "идеологии", к которой она относит любое теоретическое осмысление общественного процесса. "Племя младое, незнакомое" состоит, как правило, из джентельменов удачи, предпочитающих следовать принципу: "Суша теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет". Правда, они не знают, что эту замечательную сентенцию изрек Мефистофель. Нет, это – не враг человечества (во времена плюрализма и политкорректности врагов как бы не осталось). Он – из числа тех хороших друзей, которые предлагают выпить водочки и покурить травку (в общем, оттянуться как следует) вместо того, чтобы пудрить мозги на лекциях занудной профессорской тягомотиной.

Автор этой статьи и хотел бы расцветить свои писания веселыми анекдотами и забавными литературными примерами, но размеры печатного материала не безграничны, поэтому он вынужден чаще прибегать к "профессорскому" языку для экономии места, и его занудство покажется просто нестерпимым. Но у меня есть обоснованная надежда, что особи, предпочитающие мефистофельские прогулки вокруг зеленого древа в обнимку с зеленым змием, подобных изданий вообще не читают и в связи с этим разочарованы не будут.

Возвращаясь к теории Маркса, можно отметить, что она наиболее последовательно (а, главное, системно) обосновывала целенаправленность исторического процесса, исходя из природно-социальных предпосылок (материалистическое понимание истории). На тех же мировоззренческих основаниях покоится и такое, казалось бы, непримиримое к марксизму политическое течение как либерализм. Этот классовый антипод также исходит из природного характера человеческих отношений, но всё их многообразие сводит к индивидуалистически понимаемым "естественным" правам, приоритетным из которых считается право на частную собственность. Если сторонники социалистических теорий стремятся опираться на фундаментальные знания о природных и социальных процессах, обеспечивать наиболее общие потребности народных масс, не снисходя к индивидуальным особенностям, то либералы ведут себя подобно вольным рыцарям, стремящимся расширить свои владения за счёт соседей. Совершая вылазки из своего замка, они пытаются прибрать к рукам всё, что плохо лежит и затащить в своё хозяйство. Лишь встречая отпор со стороны других собственников,

хищники умеряют свои аппетиты, вступают в переговоры, нагромождают кучи юридических тонкостей, разрабатывают этикет и заучивают риторические фигуры взаимной вежливости. К науке либералы также относятся с психологией хозяйчика. Они требуют от учёных конкретной выгоды "здесь и сейчас", поддерживают главным образом прикладную науку, которая, в свою очередь, должна оплачивать необходимые фундаментальные исследования. Если я что-то искажил в хвалёной капиталистической цивилизации, пусть меня поправят.

Если кто-то подумает, что автор смотрит на противостояние капитализма и социализма как на борьбу нанайских мальчиков, то он будет недалёк от истины.

Подсознательно к такому выводу пришло большинство моих сограждан. Это показывает процент явки на голосование во время выборов. Чтобы как-то обеспечить легитимность своего существования политики законодательно снизили планку для голосующих до 25%. Но и этого часто набрать не удаётся, несмотря на наличие кандидатов от оппозиции. В остальном мире также наблюдается рост политической индифферентности, охлаждения к традиционным демократическим процедурам. Такое положение часто объясняется стабильностью и высоким уровнем жизни развитых государств, когда смена правительств мало что меняет в повседневной жизни большинства. Выходит, там выборы игнорируют от сытости и благополучия, а у нас от нищеты и неустройства? Тут что-то не так.

Может быть, наш объяснительный аппарат работает не на той волне и мы в принципе не можем понять механизм общественных отношений? Вернее, мы объясняем, но постфактум, когда событие уже произошло. В результате получается, что "история ничему не учит". Эта максима, сказанная некогда очень умным человеком, большим знатоком истории, мучительно пытавшимся постигнуть её смысл, стала расхожим штампом в устах многочисленных профанов.

Модный ныне постмодернизм вообще отрицает какой-либо смысл и цель исторического процесса. А религиозные люди усматривают в современности явные черты надвигающегося Апокалипсиса. Ситуация абсурда принимает не просто формы сценического эффекта, а обретает размеры бытийственного сдвига. Причем эти тектонические изломы наблюдаются именно в ходе человеческой истории. Природные процессы сохраняют прежние измерения, никаких сверхъестественных явлений в космосе, на Земле или в биосфере не происходит. Однако человечество их явно ждёт. Катастрофы, ужасы, чудовища, пришельцы, ведьмы, колдуны наполняют телеэкраны. Печатная продукция переполнена изделиями, содержание которых не только расходится со здравым смыслом, но и с самими условными канонами научной фантастики.

"Сон разума рождает чудовищ" утверждал Ф.Гойя. "Конец истории", - удовлетворенно потирает руки Ф.Фукуяма. Футурологи рисуют дальнейшие перспективы технического прогресса, но... уже без участия человека. Homo sapiens исчерпал свои возможности. С созданием

искусственного интеллекта возникнет универсальный мир машин, далеко превосходящий хилую человеческую цивилизацию. Судьба двуногих "царей природы" будет решаться исходя из того, каким станет искусственный разум. Рассматриваются два возможных варианта. В первом люди оказываются под опекой заботливых киборгов, которые относятся к ним как добрые хозяева к своим кошкам и собакам. Люди будут полностью счастливы, то есть их не только будут поить и кормить, но и исполнять самые причудливые желания. Причем человеку не надо будет даже ничего говорить: его мозг будет подключен к суперкомпьютеру в диалоговом режиме. Вариант второй предполагает "злой" искусственный разум. Он изолирует людей в особом виртуальном концлагере и будет производить над ними жестокие эксперименты. Нет, речь не идёт о примитивных пытках вроде колесования или поджаривания на медленном огне. А вот как бы вы отнеслись к тому, если бы увидели, что внезапно обрастаете чешуей, превращаетесь в кентавра или становитесь гермафродитом? Впрочем, степень изощренности "высшего разума" можно увеличивать до бесконечности. Теперь сравните, где больше бреда: в наивных картинках с коптящимися грешниками или в прогнозах уважаемых специалистов.

Теперь "вернемся к нашим баранам", то есть к Н.Винеру и его последователям. Кибернетизация природных и общественных процессов, казалось бы, доказала свою эффективность. Стройные математические расчеты и создаваемые на их основе математические модели сделали возможными межпланетные космические полеты, позволили утилизировать и систематизировать громадные массивы статистического материала по многообразным отраслям знания, в банковском деле электроника обеспечила совершение сложнейших финансовых операций на всем пространстве планеты за доли секунды. Традиционными способами с такими задачами и с такими объёмами информации не смогли бы справиться никакие организации. Уже и в шахматах компьютер не может одолеть даже сам чемпион мира.

Дальше начинаются сложности. Моделирование социальных процессов наталкивается на определенное сопротивление материала. Проще всего обстоит дело с американцами. Жители самой богатой страны мира считают компьютер своим детищем, относятся к нему с родственной любовью и доверием и возлагают безграничные надежды на его уникальные способности вплоть до того, что готовы досрочно выйти на пенсию, доверив своему наследнику заботиться об их нуждах. Прагматичные янки ощущают техносферу своим прямым продолжением. Даже наиболее забойные рифмы для своих шлягеров они находят методом простого компьютерного перебора. Социальная жизнь у них организована вполне механическим способом, юридические нормы воспринимаются как естественный порядок, как равносильный законам природы, а подчас и превосходящий их. Все выпадающее из этого порядка воспринимается в качестве эксцессов, хаотической бессистемности и патологии.

По мере удаления от "центра современной мировой цивилизации", средоточия финансовых и товарных потоков, технологическая упорядоченность общественных процессов ослабевает. Близкая по экономическому и политическому устройству Европа "засорена" культурными пережитками, Япония, конечно, - цивилизованная страна, но перегружена чужаковатой экзотикой, Азия и Латинская Америка воплощают собой разные стадии варварства, а Африка и Россия населены дикарями.

Богатые компьютеризированные Соединенные Штаты живут в окружении в разной степени "неправильного" мира, и их политические круги ломают копья по поводу дилеммы: либо нести бремя "белого человека" и обустривать человечество по своему подобию, либо послать его ко всем чертям и заботиться исключительно о сохранности своей "задницы" (самый жизненно важный орган в представлении американцев). Проектируемый Pax Americana наталкивается, однако на непреодолимое препятствие: создание всепланетного постиндустриального общества на уровне потребительских стандартов североамериканских штатов невозможно по причине исчерпаемости природных ресурсов. Уже сейчас очевидно, что планетарные запасы полезных ископаемых при существующих темпах их утилизации будут использованы в ближайшие десятилетия.

Прогресс техносферы очевидным образом приводит к угнетению биосферы, оптимистические прогнозы об образовании на основе их симбиоза планетарной ноосферы не выдерживают испытания практикой. Естественнонаучные предсказания В.И.Вернадского о превращении человечества в фактор, обеспечивающий новую эру в геологической эволюции Земли, находят подтверждение в планетарных деструктивных последствиях деятельности homo sapiens. Сама же разумность этого носителя всепланетного преобразовательного зуда ставится под сомнение не отдельными философскими и религиозными течениями, а уже решительно отторгается на уровне коллективного бессознательного.

Вопрос заключается в том, действительно ли "равнодушная природа" настолько равнодушна, чтобы спокойно взирать на далеко не безобидные проделки агрессивной биомассы, состоящей из миллиардных скоплений "двуногих без перьев", или она наделена чем-то вроде элементарного чувства самосохранения и способна покончить с разрушительным действием вредоносного вируса, именуемого человечеством? Тем более, что само человечество отказалось от своего особого статуса в ряду других живых существ и готово себя рассматривать в качестве безответственного хищника, наделённого лишь особо утонченными рецепторами. Провиденциальность своего существования современные люди относят к измышлениям теологов, их вполне устраивают "научные" концепции типа бихевиоризма или фрейдизма. Массовое сознание с превеликим удовольствием усваивает короткие афоризмы "просветителей", задавшихся целью осчастливить двуногих собратьев. Прошло немногим больше столетия, после того как нигилисты-

энтузиасты провозгласили: "Природа – не храм, а мастерская", и вот их раскормленные постиндустриальные потомки, начитавшиеся модных психоаналитиков, восторженно вопят с телеэкранов и интернетовских сайтов: "Природа – не мастерская, а бордель".

Разрушение механизма целеполагания, готовность высмеять любой идеал, навесив ему ярлык "утопия", превращает человечество в хаотический конгломерат совокупающихся и бессмысленно лопочущих белковых тел. Выхолащивание смысла исторического процесса лишает человеческое общество фундаментальной основы своего существования, презумпции своей состоятельности (если юридические термины вообще употребимы с точки зрения высшей юрисдикции Мироздания). А, выпадая из Истории, человек выпадает и из Природы, так как в качестве ещё одного из приматов он не представляет интереса. Природа не разделяет философии постмодернизма и умножением бессмыслицы не занимается. Файлы, зараженные вирусами, стираются и на их месте записываются новые программы. И наша человеческая самонадеянность вовсе не является аргументом в пользу того, что нас не постигнет участь динозавров.

Человек, выпадающий из Истории, одновременно выпадает и из Культуры, сам процесс трансляции опыта и знаний теряет для него смысл. Утрачивая интерес к прошлому, он уже не стремится и к будущему. Поэтому у него не остается никакого настоящего. Время для него перестает быть содержательной категорией, становится механическим суррогатом, простой суммой актов жизнедеятельности. Даже чисто биологические процессы, протекающие в организме, воспринимаются с тупым недоумением, как нечто, нарушающее привычный распорядок.

Провозглашаемый современной цивилизацией динамизм вовсе не является движением, несущим обновление, процессом, стремящимся к достижению существенной реальности. Скорее он напоминает броуновское столкновение молекул в закупоренном котле. Образующиеся информационные потоки не создают нового знания, а, напротив, омывают и разрушают островки прошлого знания, подтачивают воздвигнутый предыдущими поколениями материк Культуры.

Проматывание накопленного наследия осуществляется путем сведения культурных смыслов к общедоступным знакам. Бесчисленное тиражирование Моны Лизы на майках и бутылочных этикетках вовсе не приобщает массы к художественным сокровищам эпохи Возрождения, а низводит последние до уровня окружающего ширпотреба. Точно также бесчисленные диссертации и монографии литературоведов, как правило, не пробуждают интерес к творчеству великих писателей, а замещают его. Аналогичным способом сотни тысяч толкователей с учеными степенями не продуцируют новое знание, а паразитируют на достижениях своих предшественников. Остряки даже вывели соответствующую формулу "прогресса": "Человечество сначала легко отказалось от мудрости в пользу знания, а затем от знания в пользу информации". Современные поколения

уже вступают в мир, донельзя захламленный всевозможным мусором, в том числе и информационным.

Между тем из культурного континуума человеческой истории можно было бы не только извлечь коллекционный антиквариат и создавать из него потешки в духе Диснейленда, но и вернуться к некогда утраченным смыслам, которые не столько дополняют игровое поле современной цивилизации, сколько подвергают ревизии самый её фундамент, заставляют видеть в дороге, признаваемой столбовой, всего лишь смрадный тупик. Конечно, образованные люди знают, к примеру, некоторые концептуальные положения учения Платона. Но актуализировать его они, как правило, не склонны. Сциентистские практики последнего столетия вытравили само желание вникать в существо древних умозрений. Общественные настроения скорее склонны мириться с их существованием как сферой досужих упражнений специалистов по классической филологии. Однако именно Платон две с половиной тысячи лет назад сформулировал стройную мировоззренческую систему, отдельные элементы которой некоторые современные ученые и философы пытаются сделать фактом общественного сознания.

Античный философ исходил из простой посылки о проективном характере природной реальности. (Речь здесь должна идти именно о гениальной простоте, которая слагается в результате бесчисленного множества сложных мыслительных экспериментов, а вовсе не о простоте наивного первобытного созерцания). Признание наблюдаемого физического мира всего лишь отражением (воплощением) более высокой субстанции (мира идей) было интеллектуальным подвигом Платона, который невозможно объяснить только прихотливым изгибом спекулятивного мышления. Скорее следует говорить об обобщении философом всей социальной практики свободных греческих полисов, выявлении квинтэссенции энергичного эллинского духа. Исходя из примененного мыслителем термина "идея" Платона впоследствии стали именовать "родоначальником философского идеализма", вводя в обиход малопродуктивную классификацию мыслителей, и зачислять их по формальным признакам в идеалисты или в материалисты. Подобная профессорско-доцентская бестолочь, стремление нагромоздить больше наукообразных конструкций, всевозможных дефиниций и "объяснений", которые на самом деле ничего не объясняют, а лишь умножают мыслительные фантомы, засоряют интеллектуальное пространство, вовсе не представляется безобидной забавой "учёных идиотов". Подобные псевдонаучные конструкции способны надолго заслонить собой истинное знание, отвлечь человеческую мысль от перспективных направлений и заставить её блуждать по бесконечному лабиринту пустоты.

Настоящее знание заключено не в наборе формулировок, которые необходимо вызубрить, а в особом интеллектуальном состоянии, позволяющем ориентироваться в нагромождении фактов и явлений, прозревать их сущность, направлять ход внутренних и внешних событий.

Труды истинных ученых и мыслителей ценны именно своей способностью приобщать к такому состоянию.

Возвращаясь к Платону, можно утверждать, что созданная им философия представляла собой системную интуицию фундаментального порядка. Прозрения античного философа выстраивали тот универсальный порядок Бытия, понимание которого было в значительной степени утеряно наукой Нового времени с её упертостью в физикализм. Сведение объективного мира исключительно к физической материи привело, с другой стороны, к аксиоматическому признанию существования бесосновной антропологии, постулирующей произвольный субстрат, неизвестно каким способом возникающий из стохастического движения физических состояний. Между тем заклеившаяся как "ненаучная" натурфилософия решала эту проблему введением двух уровней Бытия, прозревая за видимым физическим планом наличие второго, невидимого плана, который, впрочем, является не только реальным, но и определяющим. Применяя современную терминологию, можно утверждать, что наряду с физической материей существует особая информационная сфера, которая является матрицей, задающей и формирующей физические и психические процессы. Другими словами, информационную сферу можно охарактеризовать как материю высшего порядка, организующую и направляющую физическую материю, но не фиксируемую на её уровне. То есть информационную материю невозможно обнаружить экспериментальным путём с помощью самых хитроумных приборов, созданных на основе материи физической.

Философская мысль неоднократно пыталась проникнуть в глубины информационной сферы, выявить её структурную и содержательную части. Платон мыслил её как совершенный и неизменный мир идей, вторичным проявлением которого является несовершенный и изменчивый мир тленных физических явлений. Гегель уподоблял информационную сферу процессу логического мышления, видел свой абсолютный разум как систему саморазвивающихся понятий, сцепленных в совершенные силлогизмы. Интересным представлением немецкого мыслителя стала гипотеза о существовании мирового духа, системного понятия, способного к саморазвитию, воплощением которого является реальная человеческая история. Строгая логическая конструкция Гегеля с его представлением об исторических и неисторических народах, о великих людях, являющихся проводниками развития мирового духа в исторической практике, об эстафете, передающейся от одной цивилизации к другой, подвергались суровой критике, как со стороны ученых-эмпириков, так и со стороны ортодоксальных богословов. Однако не следует вместе с водой выплескивать и ребенка.

Современный человек уже основательно привык к виртуальному информационному пространству, миру мистификаций и иллюзий. В прошлом человечество серьезно верило в существование потустороннего мира, который в тогдашнем восприятии представлялся реальным информационным пространством, первым жизненным планом древних

народов (мифология). Возникновение базисного мифологического плана человеческой жизни до сих пор представляет загадку для науки, серьезные ученые не склонны выводить его из простой игры воображения. Скорее они допускают существование мифологии в качестве тех первичных пластов человеческого сознания, которые в принципе не могут быть устранены наукой и заменены сугубо логическим мышлением. Дело идет не о вытеснении мифологии научным мышлением, а лишь об определенной стадиальности мифотворчества, применительно к которой представление о линейной последовательности ("прогессе") представляется примитивной натяжкой или даже процессом с обратной проекцией, связанным с утратой основополагающих качеств ("регрессом").

Попробую пояснить данный тезис. Постепенное размывание первоначального понимания человеком вхождения в мир по воле высших сил, представления о непрочности своего существования и в связи с этим – ослабление состояния поиска по всему периметру человеческого сознания – являются следствием "прогесса" мировоззренческого эгоцентризма. Исходя из верной в принципе посылки о ступенчатой иерархии тварного бытия, люди пришли к порочному выводу о заданной антропоцентричности Мироздания. Осознав себя "венцом творения", они стали рассматривать окружающий мир исключительно как косный предмет, предназначенный для утилизации во имя их безграничного произвола. Если начальные религиозные установки призывали считаться с промыслом Божиим, или, говоря современным языком, с программами первого порядка, то последующая секуляризация сознания вытеснила из мышления представления о существовании первоначальных информационных пластов, самой Программы Творения, и заменила их слепой убежденностью в уникальности человеческого *ratio*, наделенного биологической оболочкой, и эта вторичная программа породила, в свою очередь, апологетику сенсуализма. Развитие пошло по порочному кругу. Акцентированное внимание на чувственной сфере дало всплеск познавательных методик и с помощью науки оформилось в изощренные рациональные методики удовлетворения чувственных потребностей (удовольствия). Культ удовольствий в своём развитии устраняет потребность в совершенствовании рациональных методик, которые вытесняются стандартными технологиями. Технологии, в свою очередь, стандартизируют чувственность и сводят подавляющее большинство людей до состояния биороботов. Но и поддержание подобного состояния требует от человека волевых усилий, что противоречит основному принципу – культу удовольствий. В результате человек опускается еще ниже – до уровня примитивного животного существования и оказывается не в состоянии поддерживать элементарный технологический процесс. Разрушение технологий имеет следствием сокращение удовольствий, после чего утратившие навыки рассудочной деятельности особи впадают в агрессию и уничтожают друг друга.

Так вкратце выглядит схема срабатывания культурного механизма, вектор которого выстроен в принципиально неверном направлении. Этот

процесс представлен не в чистом виде, а в окружении социокультурных явлений с другими векторами. Тем не менее, применительно к современной ситуации, описанный деструктивный вектор количественно преобладает и качественно (мировоззренчески) доминирует.

Сторонний взгляд воспринимает указанный процесс как реализацию некой программы по уничтожению человечества. Причем эта программа зародилась и получила развитие в недрах самого человеческого общества, хотя, безусловно, имела основание и материальное обеспечение на объективном уровне, выходящем за рамки сугубо человеческих интенций. Речь может идти и о биогенетическом коде, и об изначальной заданности исторического процесса, и о процессе атрофирования высших психических функций под влиянием неблагоприятных воздействий как природного, так и социогенного характера.

Вопрос о "конце человечества", таким образом, предельно актуализирует мировоззренческую проблему: что, собственно, представляет собой существо под названием "человек"? Лежит ли в его основании какая-то определенная субстанция? Является ли само человечество единым целым по своим субстанциальным потенциям?

Насколько оно, вообще, способно программировать свою деятельность в долгосрочной перспективе? Сформировался ли человек в результате стихийной игры природных сил и, соответственно, сам стал воплощением природного произвола, сдерживаемого и направляемого лишь возможностями и потребностями своей биологической оболочки, или он является запрограммированным явлением, подпрограммой, реализуемой лишь в рамках Программы более высокого уровня?

Чтобы выделить возможные подходы к решению данной проблемы, необходимо совершить краткий экскурс, с помощью которого возможно сориентироваться в основных направлениях философской мысли и главных изломах исторической практики. Нас не может удовлетворить догматичное разделение философских течений на "линию Платона и линию Демокрита". Определение истинности и неистинности философских концепций с точки зрения партийного подхода представляется в настоящее время анахронизмом. Более актуальным представляется подход, при котором оценка той или иной манеры философствования осуществляется с точки зрения ее продуктивности или непродуктивности. И такое изменение в подходе является не случайным. Современность чрезвычайно проблематизировала наиболее общие философские вопросы. То, что раньше представлялось игрой отвлеченного ума, теперь всё чаще переносится в практическую плоскость.

Тупиковость пути, при котором историческое развитие понимается лишь в качестве игры субъективных волей с их узкоутилитарным прагматизмом и эгоизмом, ясно осознается не только отдельными мыслителями, но и проявляется в политической и экономической практике, в болезненно-угнетенном состоянии социума. Действительность выдвигает требования к выработке нового системного подхода к решению общечеловеческих проблем, но попытки создания подобных системных

концепций по инерции отвергаются сторонниками рыночного радикализма. Систематиков по-прежнему именуют "утопистами" и "тоталитаристами".

Между тем попытки решать насущные проблемы эмпирическим "методом тыка" иногда, действительно, приносят удачу, но чаще заканчиваются трагедиями и катаклизмами. Однажды найденное удачное решение при бесконечном тиражировании зачастую ведет к многочисленным негативным последствиям, так как его сиюминутная прагматическая выгода заслоняла комплекс всех других проблем. Оно не опиралось на широкую мировоззренческую базу. Не всякий изобретатель или рационализатор является философом, но обилие изобретений и новшеств может подорвать самую могучую философскую и религиозную систему.

Религии, вообще, принадлежала грандиозная роль в выведении человечества за пределы инстинктивно-животного состояния. Она изначально ввела в обыденное сознание представление о могущественных силах, творящих Мир и контролирующих Бытие. Могущество высшего Разума ощущалось в окружающей природе, стимулировало мыслительные усилия человека, делало его самого разумным существом. Но самостоятельно распорядиться своими возможностями человек не всегда умел. Ему постоянно отказывало чувство меры. Ощущая в себе могучие потенции, он спешил претворить их в скоропалительные интенции, наделял себя сверхъестественными способностями. Так родились магия и колдовство, в основе которых лежало представление о наличии у людей возможностей произвольно менять ход природных процессов. Совершенно верную посылку - "человек создан по образу и подобию Божию", - религиозные массы изменили на противоположную, создавая богов по своему образу и подобию, низводя Творца до обслуживания их нужд.

Соответственно в публичной теологии соперничали две тенденции – устрашающая и убаюкивающая. Первая сулила определенные кары за прегрешения, заповедовала соблюдать церковные уставы "твари дрожащей", закрепляла в сознании первобытный принцип табуирования.

Вторая подчеркивала положение человека в качестве "венца творения", для удобства которого, якобы, создан весь окружающий мир. Чтобы пользоваться без стеснения этими благами людям достаточно соблюдать минимум необременительных обрядов. Обе тенденции снимали с паствы проблему личной ответственности, оставляли манипулятивные функции за церковной иерархией. С точки зрения продуктивности исторические религии исчерпали себя уже в первые века своего существования.

Псевдоуниверсальность теологических конструкций, догматизм формулировки символа веры, превращение моральных принципов в разновидность высшего церковного права, превалирование литургического ритуала проистекали скорее из абсолютизации психофизиологических свойств человеческого организма, нежели из понимания реальной связи человеческого интеллекта с божественным Универсумом.

Провозглашенные Иисусом принципы свободы вновь, как и в ветхозаветные времена, были втиснуты в прокрустово ложе церковной иерархии. Карьерные соображения священнослужителей получили преломление в официальной церковной идеологии. Задачей каждого христианина был объявлен эгоистический принцип личного спасения. Отклонения от единственно верного заблуждения принимали форму ересей, которые жестоко подавлялись, но, в целом, не выходили за рамки той же церковной парадигмы.

Постепенное освоение достижений античного рационализма подорвало монологичность средневековой теологии. Из теологии выделилась философия, сначала в схоластической форме. Сегодня труды схоластов представляют интерес только для узких специалистов. Между тем именно ими был во многом подготовлен фундаментальный поворот западноевропейской цивилизации. Развилка в пути развития, перед которой оказались схоласты, получила свое воплощение в борьбе так называемых реалистов и номиналистов. Суть этих споров заключалась в поисках ответа на вопрос: отражаются ли в сознании человека реальные сущности окружающего божественного мира, способен ли он их адекватно воспринимать, или люди лишь оперируют произвольными символами (именами), которые не соответствуют содержанию внешних процессов. Грубо говоря, победу в этом споре одержали номиналисты. Разрушительный заряд релятивизма, таким образом, был заложен еще в XIII-XIV веках. Следующий этап был связан с появлением науки Нового времени. Интеллектуалам надоело ковыряться в собственной душе, скованной теологическими догматами. Они бросились осваивать окружающий мир, применяя к нему вполне инквизиторские методы дознания. Началась вивисекция природы и общества. В них увидели предмет исследования. К "предмету" подходили с постоянно совершенствующимися пыточными инструментами: скальпелем, микроскопом, термоядерным ускорителем. Полученные обрезки и ошметки называли различными специальными терминами, собирали заново, и эти конструкции становились теориями.

В философии трудно выделить столь же однозначный процесс. Все существующие научные классификации философских течений, может быть, и удобны с точки зрения построения учебного курса, но они не в состоянии отразить специфику философского сознания, научить философствовать. Философия – это не исследовательский процесс, это – форма жизни духа. Владение исторически выработанным словарем философских понятий еще не гарантирует причисления к рангу философов.

Новоевропейская философия выработала специфический рафинированно-рационалистический способ философствования. Практически все философские тексты здесь строятся по объективным логическим законам, даже в том случае, если конкретный мыслитель отрицает существование подобных законов. Кардинальная обоснованность такого положения была четко сформулирована Р.Декартом. Он выводил

принципы человеческого мышления из внеположенной сущности, объективно существующей основы. Мыслительный процесс не формируется под воздействием внешней среды, а заложен в сознании априорно, внешние и внутренние влияния сказываются лишь на степени проявления первоначальных потенций. Знаменитое декартовское *cogito ergo sum* ("мыслю – следовательно, существую") нужно понимать как осознание приобщенности к фундаментальным процессам Бытия.

Противоположных методологических позиций придерживался английский философ Джон Локк. Он исходил из опытного происхождения знания. Все законы мышления суть лишь закрепленные в сознании навыки обращения с предметами. Человеку не дано иных источников познания кроме пяти органов чувств. Такая трактовка процесса познания получила название сенсуализма. Если картезианство базировалось на признании адекватности мыслительных процессов онтологическим формам Бытия, то сенсуалистические концепции варьировались в широком спектре от непосредственного восприятия внешних явлений до полного солипсизма - признания единственной реальностью своего Я (Дж. Беркли).

С развитием предметного научного знания традиция чистого умозрительного философствования сменялась осмыслением фактического материала, накопленного конкретными исследованиями. "Обмирщение" философии особенно ярко проявилось во французском Просвещении. Представители данного направления активно осваивали конкретные литературные жанры, вторгались в политическую сферу, разрабатывали законодательные и социальные проекты. Приземленность "галльского острого смысла" наглядно выразилась в попытках дискретирования абстрактных рационалистических конструкций, которые представлялись их инициаторам установлением "царства Разума", а на самом деле вылились в систему эгоистического произвола, вписанную в формально-юридические рамки.

Другим центром философской мысли данного периода стала Германия. Классическая философия "сумрачного германского гения" стала своего рода образцом философствования вообще. Ф.Энгельс применял по отношению к этому стилю слово *Gründlichkeit*, расшифровывая его как "основательное глубокомыслие или глубоко-мысленную основательность". Мощные интуиции классиков (Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте) обрастали многочисленными рассудочными толкованиями, которые в глазах эпигонов имели уже высшую ценность и вырождались в клинические формы обстоятельного мышления.

"Критика чистого разума" И.Канта парадоксальным образом отразила беспомощность человеческого рассудка в качестве средства познания мира. Не решала проблемы гносеологии, в представлении немецкого философа, и чувственно-деятельностная сфера "практического разума". Эмпирический подход к реальности, конечно, обогащал человека знаниями о внешних процессах, но сущность явлений, по мнению Канта, оставалась для него "вещью в себе". Человек, по мысли философа, лишь

принципиально безысходное существо в постижении мира. Ему остаётся строить собственную реальность на основе категорического императива, то есть внутреннего нравственного закона.

Ограничение разума принципами логики, структурой перекрещивающихся понятий обеспечила философия Гегеля. Наиболее важным достижением этого философа было создание системы диалектической логики, которую он считал универсальным законом природных и общественных процессов. Мыслительные операции обогатились новым методом, который последователи Гегеля считали универсальным, но, как показала общественная практика, он не стал средством снятия противоречий, а в ряде случаев создавал надуманные конструкции, уступая в эффективности простой формальной логике. Изощренная рефлексивность гегелевской понятийной системы превращала философию в особый род искусства, сводила высокую метафизику к рассудочной логической игре, и тем самым подводила закономерный итог всей классической философии.

XIX век обозначил начало эпохи интеллектуального лидерства науки. "Время метафизики кончилось, началось время физики",- самозабвенно повторяли естествоиспытатели. Научные принципы усиленно вторгались в философию, экспансия завершилась признанием её прикладного характера.

Если учение К.Маркса ещё сохраняло в себе глубокие метафизические основы, то философия О.Конта целиком базировалась на эмпирических принципах. Основатель позитивизма именовал свои художные концепции "социальной физикой". На принципах позитивизма выросла социология – наука, имеющая дело с многообразной общественной эмпирикой, komponующая и классифицирующая её в зависимости от вкусов и пристрастий научных коллективов. В современной политической системе социологические службы играют роль штатных алхимиков, обещающих правящим кругам найти для них "философский камень", а на самом деле бессистемно рыскающие по общественным задворкам, в поисках ответов на многочисленные избыточные вопросы.

Противостояние марксизма позитивизму имело принципиальный характер как противоборство целостной политической философской доктрины наукообразной социологической эклектике. Сильная сторона учения Маркса заключалась в понимании неизбежной девальвации сущностных основ человека в системе всеобщего капиталистического товарного производства, а слабая – в абсолютизации доставшегося в наследство от Гегеля логического понятийного аппарата, который был наложен на социально-классовую структуру общества и наделил её элементы атрибутами самостоятельных сущностей. Причинно-следственный механизм социальных явлений был смещен с фундаментальных вопросов бытия в сторону конкретно-исторических культурно-экономических процессов. В конечном итоге марксистская философия была сведена к политической экономии.

Утрата философией лидирующих позиций в познании мира особенно ярко проявилось в дроблении и сужении предмета философского знания. С одной стороны, философы стали развивать свои концепции на базе данных конкретных наук, с другой стороны, они пошли по пути специализации своих концепций. Философы заняли позицию интерпретаторов эмпирических данных, накопленных по отраслям знания и по сферам деятельности – появились философия экономики, философия политики, философия права, философия религии, философия искусства, философия истории, философия естествознания и техники и т.д. Каждая наука стремилась обзавестись собственной философией.

Узкая специализация философии отразилась в плане искажения бытийственной перспективы. Философские системы стали строиться на субъективно выхваченных элементах. Абсолютизация волевого начала привела к созданию волюнтаристских концепций, наиболее яркими представителями которых являются объективист А.Шопенгауэр и субъективист Ф.Ницше. Последователи сциентизма выступали непреклонными сторонниками механицизма в природе и обществе. Виталисты, напротив, абсолютизировали "жизненное начало". Абсолютизация рационалистической деятельности породила прагматизм. Из субъективизации категорического императива Канта вырос экзистенциализм.

Единый ствол метафизики распался на отдельные ветви, затем пророс тысячами листьев, практически утратив представление о своих корнях.

Наука, изначально нацеленная на решение прикладных задач, обслуживание человеческих потребностей, автоматически сняла вопрос о служении самого человека, разробила единую картину мира на противоречивую мозаику специальных знаний. Искусство, включенное в систему товарно-денежных отношений, оказалось прочно связанным с понятием социального заказа, то есть с погоней за массовым потребителем, на страже интересов которого стоят разветвленные коммерческие инстанции (издательства, редакции газет и журналов, ангажированные критики, вездесущая реклама).

Система тотального контроля над вкусами и потребностями массы, разветвленная структура духовного попечительства руководствуются благими намерениями унификации социума как средства разрешения противоречий общественного организма. Но мир всеобщих стандартов изначально был основан на узкой базе потребительских технологий, ставил предел творческой природе человека, вырывал его из информационной сферы Универсума, пускал по пути дурной бесконечности наращивания псевдомногообразия и псевдодвижения. Экстенсивное развитие технократической цивилизации отводит людям незавидное место вечной прислуги совершенствующихся технологий, делает заложниками механического информационного процесса, всё более превращает в безвольную массу и лишает внутренней свободы. Технический прогресс, порожденный желанием сделать жизнь

человечества удобной и необременительной, в конечном итоге лишает её смысла, приводит к колоссальному росту человеконенавистнических настроений.

Духовная природа человечества изначально обращена к Универсуму, питается "музыкой высших сфер". Достижения духа закрепляются в культурных механизмах, расширяют пределы общественной практики. Но без постоянной подпитки со стороны Духа Культура деградирует и умирает. Для того чтобы поддерживать в себе творческое начало, человеку необходимо вырабатывать состояние внутренней сосредоточенности, особой чуткости. Состояние сознания грубо можно сравнить с радиоприемником. Сколь бы совершенной не была конструкция этого прибора, он оказывается бесполезным хламом, если не умеешь настроить его на определенную волну и не знаешь, как это сделать. Большинство людей совершенно не владеют подобными навыками, не умеют обращаться со своим драгоценным аппаратом. Они беспорядочно крутят ручки "настройки", но вместо красивой музыки чаще всего слышат посторонние трески и шумы. Отчаявшись, они лезут внутрь своего "радиоприемника", пытаются исправить его схему с помощью наркотиков и других стимуляторов. Эти действия кончаются столь же успешно, как попытки починить компьютер с помощью кувалды.

Собственно говоря, информация, получаемая нашим "радиоприемником", содержится не в нем самом, а транслируется различными "радиостанциями". Содержательной эта информация становится лишь в том случае, если сам приемник, во-первых, находится в рабочем состоянии, во-вторых, настроен на соответствующую волну, а, в-третьих, радиостанция посылает сигналы. Если все эти факторы совпадают, то тогда ученые совершают открытия, поэты пишут стихи, художники и композиторы создают свои шедевры.

Понятно, что человек, таким образом, воспринимает базовую информацию не в готовом виде, а с помощью интуиций, которые определенным образом координируют и направляют его мыслительную работу. Соответственно, личный интеллект воспринимает и перерабатывает только ту информацию, к которой он подготовлен. Дополнительные сведения, вторгающиеся при этом в его психику, он склонен приписывать своему эмоциональному состоянию, которое именуется "вдохновением", "экстазом" и т.п. Избыточная информация при этом становится дополнительным стимулом для активных действий, пробуждает внутреннюю психическую энергию, реализуется во внешней сфере, будь то предметная деятельность или даже простое общение.

В отдельных случаях с информационного поля осуществлялся "сброс" информации, который мощным потоком обрушивался на неподготовленное сознание реципиента. Эти редкие случаи активного воздействия на сознание человека информационных структур Земли получили название откровений. Мощные откровения лежали в основе большинства мировых религий, ими наполнены многие страницы Библии и Корана. Естественно, что у людей, испытавших откровения, не хватало

слов, чтобы отразить тот поток информации, который на них обрушился, они выражали их в доступной тому времени культурной форме.

Чаще всего общение с информационными структурами планеты выступало именно в форме интуиций в результате сосредоточенной работы человеческого сознания. Длительные раздумья над каким-либо предметом или явлением формировали мысленный запрос, который фиксировался в определенном участке информационного поля и порождал ответ, достигавший человеческого сознания или подсознание. Чутко организованный интеллект мог воспринимать этот ответ как посыл и (в зависимости от предшествующей индивидуальной культурной программы) стремился отнести его к одному из возможных источников воздействия (божественное провидение, наущения демонов, телепатический сеанс, особое индуцированное излучение и т.д.).

Лица, испытывавшие сильные интуиции, особенно в молодом возрасте, часто испытывают сильный психологический подъем, стремление поделиться полученным опытом, что может подчас осуществляться в экстравагантных формах. Обыденное окружение воспринимает такое поведение, как правило, в качестве отклонения от нормы, начинает сторониться таких людей, намекает о необходимости "полечиться". Подобное отношение зачастую приводит к эмоциональным срывам, вызывает депрессии, немотивированную агрессивность и острые психические расстройства. Впрочем, в исторической практике были и противоположные примеры, когда бессвязный бред психически больных людей общественное сознание относило к божественному откровению.

Культурная традиция выработала легитимные сферы существования для интуитивно одаренных людей. К ним относятся наука и искусство. С течением времени они оказались даже своеобразной резервацией, полигоном для новых идей. Все остальные сферы человеческой деятельности (экономика, хозяйство, политика, право, быт и даже религия) рассматриваются как оплот консерватизма и в качестве руководящего принципа используют исключительно предметно осязаемый "здравый смысл".

Диктат примитивной политики, прагматично-утилитарной экономики и догматичной юриспруденции создали атмосферу культурного апартеида для развития интуитивных практик. Они могут получить признание лишь в крайне усеченном, по существу кастрированном, виде.

Изначальная погруженность современного человека в калейдоскопическую суету повседневных методик, многообразие психофизиологических технологий развлечений и рассеивания внимания препятствуют его подключению к информационным волнам планетарного разума. Человечество оказывается слепым и глухим к базовым понятиям смысла своего существования. Разрабатываемые эмпирическим путем, методом случайной выборки политические и экономические программы не улучшают ситуации, а лишь вызывают массовые опасения и страх перед всяким возможным движением, порождают стремление законсервировать

существующее положение, выражаются в состоянии всеобщей апатии, опустошенности и равнодушия, переходящих в злобную агрессивность.

Интуитивно достигаемые новации вынуждены приспособливаться к формам массовой индустрии. Новое знание, полученное интуитивным путем, мимикрируется его носителем под эмпирическое, обрастает множеством отсылок на "авторитеты", подгоняется под существующие шаблоны. В конечном итоге "заинтересованная общественность" усваивает в очередной раз привычные схемы и выбрасывает в качестве излишнего "осадка" именно то рациональное зерно, ради которого и создавалась вся представленная конструкция. Овладевающая сознанием интуиция постепенно перерабатывается им в специфический интеллектуальный продукт, неразрывно связанный с культурным опытом его носителя. Этот продукт оформляется в соответствующих логических, эстетических и мировоззренческих формах, вытекающих из вкусов и склонностей данного индивида.

Наличный продукт становится, прежде всего, фактом внутренней жизни личности, формирует его позицию по отношению к окружающему, выстраивает вектор его поведения. Для того чтобы из внутреннего факта стать общественно значимым фактором, многогранный продукт личностного характера должен быть первоначально преобразован в чувственно воспринимаемый предмет интеллектуального творчества (чертеж, макет, модель, сценарий, рукопись, эскиз, живописное полотно, лекцию и т.п.). Этот предмет, будучи предъявлен в соответствующие инстанции, располагающие властными, организационными и материальными ресурсами (издательство, редакция, творческий союз, научное учреждение, конструкторское бюро и прочее), проходит экспертизу в качестве новации, приемлемой или не приемлемой в рамках существующих культурных технологий. К последним можно отнести и совокупность интересов ведущих экономических агентов, и структуру политических институтов, и наличие сходных целевых установок, и существующие субъективные отношения симпатии и антипатии. Если культурные механизмы не вступают в противоречие с представленным интеллектуальным предметом, то следующим этапом выступает его реализация в качестве товара.

Товарная форма интеллектуального продукта (предмета) опосредуется существующим культурным механизмом, прежде всего его хозяйственными технологиями, приспособляющие исходный материал к стандартным процессам массового производства и массового потребления. Именно в этот период происходит отсечение наиболее значительных новаций, индивидуальных признаков, неповторимой личностной специфики. Причем это касается не только утилитарных изделий (повседневная одежда, продукты питания, предметы обихода, средства связи и передвижения), но и произведений искусства. Они все в большей степени зависят от существующей жанровой специфики, которая диктуется конвейерным характером производства с преобладанием формальной стороны в ущерб содержательной. Развлекательный уклон образует

стандартный набор трюков, спецэффектов, драк, постельных сцен и настраивает на бездумное поглощение возрастающего количества однотипной продукции. Стремление оправдать существование мощной развлекательной индустрии ссылками на то, что таким образом можно наиболее легким путем приобщить массы к общечеловеческим ценностям, не выдерживает элементарной критики. Поток масскультуры не укрепляет фундаментальные принципы общежития, а превращает их в трюизмы (*трюизм – общественная, избитая истина*), отмечаемые обыденным сознанием, увлеченным погоней за развлечениями, приобретающими роль всеобщего наркотика.

Поэтому интеллектуальный товар всё больше приобретает свойства, противоположные массовому товару. Прежде всего его производство связано с многократно увеличивающимися затратами, окупить которые его производители не в состоянии в рамках существующей экономической системы. Чем более высокий уровень интуиции лежит в основе интеллектуального продукта, чем более мощный потенциал заложен в той или иной новации, тем меньше шансов у неё получить востребованность в качестве товара на существующем рынке идей. И соответственно инициаторы продвижения данного интеллектуального товара вынуждены затрачивать гораздо больше средств и сил прямо пропорционально степени его онтологической ценности. Тенденция к маргинализации интеллектуального творчества в субъективной оценке массового сознания является оборотной стороной маргинализации наличной системы социально-экономических отношений в бытийственном плане.

Тупиковость пути существующей технократической цивилизации наглядно проявляется в обострении экологической проблематики, которая с ускоряющейся быстротой обрушивается на социум по разным направлениям. Здесь – и ухудшение среды обитания, и исчерпаемость природных ресурсов, и изменение климата, и ухудшение человеческого генома в результате негативных техногенных воздействий. Попытки разрешить экологический кризис напоминают перешивание "тришкина кафтана", в результате чего к существующим проблемам прибавляются новые. Природа и законы мироздания пока ещё очень мягко пытаются поставить человеческую гордыню на подобающее место, но в их арсенале могут быть более эффективные и радикальные средства.

Придуманый Станиславом Лемом Солярис – плод фантазии. Но кто знает, насколько более фантастичной может быть наша привычная реальность. Наша родная Земля – не менее разумная планета, чем мифический Солярис. Именно эта планета создала благоприятные условия для жизни, породила ее бесконечное разнообразие, вынянчила человека. А это дитя Природы готово уничтожить свою мать и кормилицу. Убивать разумное существо считается грехом. А убить разумную планету? Утрата первобытное языческое благоговение перед окружающим миром, мы вместе с тем умудрились утратить и способность его понимания. Одни поэты ещё сохраняют способность целостного восприятия. и жалкая ущербность т.н. человечества, как, например, у Федора Тютчева:

Не то, что мните вы, природа –
Не образ, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.
Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи в их душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была.
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой.
Увы, его не расстрешожит
И голос матери родной.

Осип Мандельштам высказал следующую мысль: в то время как математики научились оперировать десятками величин, поэт дифференцирует и интегрирует в сотнях направлениях с десятками тысяч величин. Ему открывается и величие Космоса,

Что же является источником интуиций? Что позволяет утверждать, что за видимым миром физических явлений скрывается более глубокий и фундаментальный план бытия? Несомненно, что признание такого двухуровневого мира выходит за пределы господствующих мономерных научно-идеологических теорий. Может быть, мы просто совершаем логическое удвоение реальности, создаем дополнительную логическую конструкцию, занимаемся увеличением сущностей сверх необходимого? Но является ли сама наука последним словом в деле познания истины? Или точнее будет характеризовать её в качестве одной из исторически обусловленных культурных практик? Тогда самой науке можно облегчить существование, признав за ней положение одного из полезных ремесел и не обременяя непосильным статусом всеведующего оракула. Свойство науки, как и всякого ремесла, - обслуживать определенные человеческие потребности. В этом смысле теряется актуальность попыток разделить науки на истинные и ложные, классифицировать по степени приближенности к некому универсальному знанию, отделить собственно науку от псевдонауки или паранауки. Бесперспективность стремлений создать отлаженный механизм получения чистых научных знаний исходит из непонимания сущности науки как социального института. Наука, в целом, - своего рода фабрика, но не по производству абстрактной истины, а для обслуживания вполне определенных общественных потребностей. В этом плане положение астронома и астролога, криминалиста и хироманта, шарлатана и педанта – вполне равноправно, дело лишь в уровне квалификации и профессиональной востребованности каждого. Такое положение нельзя принципиально изменить, если исходить из заданного мировоззренческого антропоцентризма, стремления мерить всё

окружающее исключительно человеческими рамками. Следует осознать, что фундаментальные правила игры заданы не нами. Наша команда пришла на чужое поле, играет любезно предоставленными хозяевами мячами, клюшками и шайбами, не удосужившись толком изучить тактику и стратегию, не зная продолжительности матча и критериев оценки результата. Человечество составляет лишь одну из подпрограмм в рамках большой Программы, вернее, в рамках целого пакета программ разного уровня. Особенностью нашей подпрограммы является её способность общаться с другими программами. Скорее даже эта её способность была задана не как возможность, а как обязанность. В случае, когда эта обязанность не выполняется, существование самой подпрограммы теряет смысл, она становится обузой или даже опасным вирусоносителем. Элементарные санитарные нормы требуют удаления зараженного участка. Наиболее простые способы считывания информации с программ высокого уровня был продемонстрирован на примере механизма интуиции. Вероятно, что человечество уже давно должно было заинтересоваться этим процессом и приступить к овладению более совершенными методиками проникновения в систему базовой информации. Собственно говоря, такая направленность существовала в момент создания мировых религий. Их родоначальники указывали пути усиления когнитивного потенциала в преодолении разобщенности, в сплочении духовных усилий. Развитие индивидуализма, сведение человеческого общения к формально-механическим процессам существенно ослабило этот потенциал. Вместо перехода от антропоцентризма к геоцентризму возобладал вульгарный индивидуализм. Человечество само сделало всё возможное, чтобы вывести себя за рамки природных процессов и изолироваться в технократической тюрьме, предварительно рассовав индивидов по отдельным камерам. Между тем, избрав другой вектор развития, люди могли бы перейти от отдельных частных интуиций к коллективному взаимодействию с информационным полем Земли, их способность пользоваться многообразной информацией возросла бы на многие порядки. Это вполне может привести к решению фундаментальных проблем: переходу к актуальному бессмертию, воскрешению умерших людей, созданию новых форм материи и видов вещества. Собственно говоря, с проникновением в базовую программу человечество получает возможность произвольно менять ход своей истории, проживать бесчисленное количество вариантов исторического развития, начиная с любого отрезка истории. Возникает сложная и изощренная система синхронных, диахронных и трансхронных взаимодействий и взаимообменов. Хотели бы вы увидеть пятидесятилетнего Пушкина в компании с Лермонтовым и Баратынским? В определённой степени такая возможность является более реальной, чем долго ожидаемое повышение минимальной зарплаты до прожиточного уровня.

e-mail: biophys@med.sgu.ru

ПРОЕКТ ФОРМУЛЫ ОБЩЕСТВА

Мы не понимаем друг друга, потому что по-разному понимаем те слова, которыми политологи, аналитики, СМИ, да и мы сами пытаемся выразить ту модель общественного строя, при которой хотим жить. Такие слова как либерализм, коммунизм, демократия, автократия, рынок, тоталитаризм, свобода, совесть, православие и другие не несут в себе конкретности, а потому и трактуются произвольно, их смысл зависит от социальной ориентации человека.

Предлагаются для обсуждения следующая характеристика будущего общества, сформулированная «обычными» словами, значения которых соответствуют Словаю русского языка под ред. Ожегова. То - есть политически нейтральные и лишённые наукообразия.

СУВЕРЕННОЕ, САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ, БОЖЕСТВЕННО БОГАТОЕ, СПРАВЕДЛИВОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО СВОБОДНЫХ СОБСТВЕННИКОВ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, СВЯЗАННЫХ ЕДИНОЙ ЦЕЛЮ И ОБЩИМИ ИНТЕРЕСАМИ СО ВСЕМ МИРОМ.

Безусловно, что смысл каждого слова должен быть уточнен до однозначного его толкования, и только тогда можно начинать спорить по существу. Безусловно, что это предложение лишь предложение варианта, в процессе диалога что-то добавится, что-то уберется, что-то исправится. Но с чего-то надо начинать. Важно сейчас оценить, что режет слух, что заведомо непонятно или отвергается по сути.

Не трудно убедиться, что по каждому свойству есть противоположные мнения, и каждое из них имеет основание. Какое мнение окажется доминирующим в обществе разномыслия, каков наш совокупный менталитет, таким и будет общий дух нашей нации.

Эта формулировка есть попытка заменить и расшифровать потерявший свою актуальность девиз "СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВА", каждая составляющая которого теперь стала предметом спора. Сами понятия Свободы и Равенства толкуются противоположно. Именно разные толкования этих слов и разделяют мир, в том числе и наш народ на два духовно враждующих мира, каждый из которых реально существует и каждый из которых имеет свое понимание нравственности.

Является ли личная свобода высшей ценностью (либерализм), или все мы связаны единой силой (государственность), которая должна подчинить себе личные свободы? Все ли мы равны перед Творцом? Или есть избранная Богом Элита, которой суждено быть богатой, а «простому» народу надлежит быть бедным. И наконец, все ли люди братья, или есть расовые различия, которые оправдывают одним нациям угнетение других народов?

Слова, определяющие основные свойства будущего общества, воспринимаются неоднозначно, для продуктивности дискуссии они нуждаются в конкретизации, и этот материал далее.

СУВЕРЕННОЕ. *Суверенность* означает полную независимость государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях (Словарь русского языка).

Прежде, чем пояснять отдельные свойства будущего национального Порядка, договоримся о значении слова ГОСУДАРСТВА, которое является ключевым понятием для дальнейших рассуждений. В русском языке слово "государство" имеет два смысла. Есть Государство как сама страна, нация, народ и есть государство как политическая организация, как Госаппарат. В сознании политологов и СМИ идет постоянное шулерское передергивание этих слов, спекуляция на двойственном смысле слова "государство"

В приведенном определении Суверенности, взятом из Словаря русского языка ясно, что здесь Государство - это нация, страна. Во избежании дальнейшей неоднозначности надо договориться использовать "Государство" только в смысле нации, народа, страны, так как это слово понимается из контекста "суверенного государства", а не так как это трактуют политологи. Для обозначения государства как политической организации, как Власти использовать слова "Госаппарат" или "Власть".

Итак,

Государство – это единый национальный организм, состоящий из физических лиц, именуемых далее гражданами. Госаппарат (Власть) – это политическая организация чиновников, которая создается Государством (обществом) для своего управления, то есть самоуправления, если говорить о суверенности, а не о колониальной зависимости в грядущем тоталитаризме.

Таким образом, гражданин – это не только либерально свободная личность, но и органическая часть целостного организма, зависимая от других частей столь же сильно как каждая клетка живого организма зависит от всех остальных клеток. Государство без Госаппарата – это всё равно что человек без головы. Все споры о роли Госаппарата, тем более об отмирании Госаппарата или об его усилении противоречат такой простой и очевидной модели общества. Споры на эту тему лишь отвлекают общественную мысль от контроля за должными (законными) функциями сильной Власти. Власть, безусловно должна быть сильной и установить диктатуру Закона. Другой вопрос, какой должна быть Конституция. Об этом и идет речь. А спорить о том, нужна ли Голова обществу - бессмысленно. А отождествлять Банду чиновников с Государством – это значит проявлять политологам свою несостоятельность.

Однако, вернемся к суверенности Государства. Очевидно, что здесь мнения разделились. Одни за полную суверенность и исключительность России, другие за полное растворения нашей страны в ЕС. Похоже, существующий Госаппарат (власть) выбирает последний вариант, а как думает Государство (народ).

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ. *Самостоятельный* – совершаемый собственными силами, без посторонних влияний, без чужой помощи (Словарь русского языка).

Имеется в виду экономическая самодостаточность, способность жить собственными ресурсами, работой и интеллектом собственных граждан. Потенциальная самодостаточность – это главная особенность России как уникальной страны с полной ресурсной самообеспеченностью и современным интеллектуальным потенциалом. Не с неба все это свалилось – всё это результат прошлых трудов народа, ратных и производительных, а также умственных и образовательных. Это все и есть наше национальное достояние, такова была интуитивная, божественная цель объединительной истории нашего Государства под руководством Госаппарата. Именно это "оправдывает" те издержки образования Руси, которая подчиняла интересы отдельных личностей интересам Государства как нации. Здесь и Сибирь, богатая ископаемыми, здесь и выходы к морю, здесь и необходимость былой "европизации".

Именно наша самодостаточность - кость в горле чужих Государств, именно наша самодостаточность спасла нас и мир от коричневой чумы. Именно поэтому теперь мы подверглись интервенции духовной, приведшей к прогрессирующему разложению Государства как нации, и все началось с Головы (Госаппарата) как политической партийной системы. А потому и возрождаться надо не с удаления Головы, но с наполнения Власти доброкачественным Смыслом. И силой.

Эти очевидные суждения нельзя воспринимать как призыв к закрытости Государства от внешнего мира, это лишь утверждение необходимости экономической само-достаточности вопреки мировому разделению труда. Великой державе с национальными особенностями России сложившееся мировое разделение труда означает продолжение атрофию собственной производительной потенции, истощение невозполнимых (энергетических) ресурсов, все это столь же очевидно как и очевидно то, что такая политика проводится последние пятнадцать лет.

Признание же самодостаточности как курса экономической политики ставит под большое сомнение целесообразность вхождения в ВТО, ЕС и принятие "помощи" МВФ. Которая не может быть и не есть бесплатная. Мы продаем и проедаем невозполняемое будущее, то-есть обкрадываем собственных детей, а это аморально, безнравственно. Это Грех порочнее любого другого, записанного в заповедях. Но мы продолжаем голосовать за такую политику и выдаем это за вершину либерализма. Единственное оправдание - это непонимание, которое теряет силу после обсуждения настоящей Идеи.

БОЖЕСТВЕННО БОГАТОЕ означает признание Высшего Смысла бытия, который в сознании православных людей ассоциируется с Богом как носителем Смысла и богатства (обратим внимание, что оба слова имеют один корень). Под божественным богатством здесь понимаются не только реальные материальные ценности (ресурсы), но и духовные, неясно

формулируемые, но признаваемые как вторая составляющая ценности человеческой жизни, ее иррациональная часть. Это отказ от абсолютизации материального как первопричины и объяснения всего сущего. Но это и отказ от абсолютизации церковного толкования первопричинности и смысла бытия, отказ от узурпации Церковью права присвоить себе духовную составляющую нашего бытия. Божественность рационально не доказуема, она принимается на веру, но это не есть церковное верование, но это есть вера атеистическая. Так наука и религия приходят к общему знаменателю.

Всё – сила духа, культура, интеллект Руси, и её недра – всё это богатство нации, и пользоваться им должны все граждане на равных, то есть справедливо. Отсюда запрет на утечку мозгов и нефти из России становится основой национальной политики. Кому это покажется ограничением свобод, но о Свободе далее. Патриотизм здесь выступает как коллективный, соборный эгоизм, а не только как платоническая любовь.

СПРАВЕДЛИВОЕ. Против справедливости вряд ли кто возразит, только саму справедливость можно понимать по разному, двумя теориями. Если признается существование особых людей, избранных Богом для осуществления некоей Высшей миссии, то это одна справедливость. Здесь признаются привилегии как божья благодать, здесь уже нужен иной принцип, чем "за равный труд – равная плата". Здесь привилегии элиты и есть Высшая справедливость, которую будем называть элитарной справедливостью. Такой принцип имел оправдание прошлую историю, когда общество нуждалось в передовых особенных и избранных, которые освобождались от "земного" труда, чтобы вести за собой остальное общество.

Если признается, что все люди равны перед Богом, что нет избранных, которых Природа наделила привилегиями, то это другая справедливость, её и называем божественной, данную всем от Бога. Отсюда логично вытекает экономический принцип "за равный труд - равную плату". И основание тому – всеобщая образованность людей, как завоевание прошлого строя.

Безусловно речь идет не об уравниловки, но о снятии профессиональных различий и привилегий. Напротив, трудовой вклад зависит от таланта, затрат и востребованности обществом. Справедливость от абстрактного, а потому вольно трактуемого никого ничему не обязывающего понятия приобретает конкретный экономический, измеряемый смысл. В продукте труда есть трудовая, сырьевая и интеллектуальная составляющая. Справедливо – это значит из результатов труда каждого вычитается сырьевая составляющая, которая от Бога, да и талант как дар Божий - он тоже не есть заслуга человека. Остается главный критерий справедливости Труд, он (критерий) и является мерилем Справедливости.

Природа наделила нас разными способностями к труду и разной силой потенции. Но в пределах разумного. Различия отдельных граждан

в стоимости их общественно полезного труда не могут быть больше, скажем, четырех - пяти раз. Так на создал Творец, и такого различия достаточно для здоровой конкуренции. Действительно, нормально развитый человек возьмет высоту в один метр, очень тренированный может преодолеть планку в два метра. Гений в прыжках, быть может, возьмет три метра. Но если человек прыгнул на четыре метра в высоту - ищи чуда, ищи подвох. И так не только в спорте, в любой работе, при прочих равных условиях один человек не может быть производительнее другого более, чем в 4-5 раз. История помнит "подвиг" Стаханова, превысившего норму более чем в десять раз. Потом выяснилось, что их было два человека, да и обеспечивали их "рекорд" чуть ли не вся бригада. А это уже привилегии, которые мы отмели в начале.

Безусловно, здесь можно говорить лишь о принятии самого принципа "за равный труд - равную плату" как альтернативу привилегиям. И этого немало. Пока же мы видим, что Госаппарат пока выбирает именно второй, т.е. несправедливый, а элитарный принцип построения Государства. Как реализовать справедливую плату за равный труд - это отдельная социальная экономическая задача, и она имеет достойного решения в рамках новой парадигмы. Это не "социалистическое" нормирование, но это и не "капиталистический" (либеральный) рынок. Это и то и другое, это и есть "управляемый рынок", который пока принимается в лучшем случае с иронией. Но в рамках новой парадигмы существует научный подход построения "управляемого рынка". Только это потребовало пересмотреть теорию прибавочной стоимости как основу современной экономики.

ГРАЖДАНСКОЕ. Этим словом закрепляется отказ от классового понимания общества, отказ от сословных различий и привилегий в социальном плане. Все граждане живут в одном правовом поле, и нет иных людей в стране, кроме граждан, если только они лишены гражданских прав как преступники. Люди всех профессий подчиняются одним законом и привилегий нет ни у одной профессии, в том числе граждан, работающих в Госаппарате, Церкви, Искусстве, Науки, Армии и т.д. Нет цеховых привилегий, нет иммунитета, и все равны перед Законом. То есть признается «диктатура» Закона, но не рабочих, не крестьян, не финансистов, ни военных, ни какого либо виртуального среднего класса или реальной партии.

ГОСУДАРСТВО. Это понятие уже обсуждалось. Еще раз подчеркнем, что под Государством здесь понимается единый живой организм, весь народ, структурированный и управляемый головой Государства - Госаппаратом как Властью. Власть - это часть того же народа, люди власти отличаются лишь функционально, выполняя роль управляющих. Во власти может быть каждый, и каждый в любое время может уйти из власти достойно, власть - это вид профессии, но не святость. Госаппарат тоже состоит из граждан, которые имеют профессию чиновник,

и эта профессия не есть пожизненная роль, но каждый может быть принят и уволен в соответствии с Конституцией. В такой постановке – казнокрадство – и госвзятки – это тяжкий грех перед нацией, это самый тяжелый вид уголовного преступления, а не привилегия. Если госчиновник взял высоту в 10 метров, то это уже само по себе доказательство преступления, которое нельзя объяснять "либеральностью" Государства. Вор должен сидеть в тюрьме, с этим трудно спорить.

СВОБОДНЫХ. Понятие Свободы является ключевым во всей логике общественных отношений, не зря дискуссия о либерализме стала центральной. Однако Свобода понимается как-то абстрактно, как некая высшая, абсолютная ценность, которой всегда не хватает. Но если оказаться от абсолютизации Свободы, признать относительность свободы как понятия в том плане, что в единой стране свободы одного гражданина ограничивают свободы другого, то получается, что свободы должны быть ограничены. Более того, рассматривая общество как многомиллионноликий живой организм, где отдельно взятый человек лишь одна многомиллионная часть всего организма, получаем, что все мы зависимы не только от друг друга, но и от общества в целом. То есть человек в принципе не может быть свободен от Власти (Госаппарата), как гаранта свобод для других. В гражданском государстве свобода должна быть прописана в законе не как декларация, а как система Прав и Обязанностей.

Важнейшей свободой является экономическая свобода, ибо ясно, что все другие свободы (слова, политическая, исповедания) теряет смысл, если человек лишен средств к существованию. механизмом экономической свободы выступает собственности как право владеть пользоваться и распоряжаться объектом собственности. Если основой жизни признать труд, то собственность на труд, то есть **степень неотчуждения человека от результатов своего труда и есть мера свобод.** Гарантом собственности является Госаппарат то есть Власть.

Следовательно, собственная Свобода и Власть, ограничивающая чужую свободу на мою собственность - две стороны одной сути. В данном случае конкретизируется смысл свободы как собственности, оба эти понятия становятся синонимами, которые без сильной Власти теряют смысл вообще. Так органически связываются основные святыни и признаки цивилизации: Свобода, Собственность, Власть (как Госаппарат). Так сливаются в единое целое интересы каждого гражданина персонально и всего государства в целом как нации.

Безусловно, понятие Свободы шире собственности (есть еще нравственные, духовные, религиозные и другие свободы), но как уже было замечено без экономической свободы, все остальное сводится к животному выживанию, и тут уж не до высоких материй.

СОБСТВЕННОСТЬ. В данном контексте расширяется понятие от частной собственности, как это подразумевается в традиционном классовом мышлении, до универсального права каждого гражданина своей

страны владеть пользоваться и распоряжаться плодами своего труда в рамках, определенных Законом. Каждый человек есть личность, член семьи, член трудового коллектива, гражданин своего Государства. Его труд образует частную (личную), семейную, коллективную и национальную (государственную) собственность. Эти формы собственности различаются между собой правами и от традиционных смыслов, которые вкладывают классики классовых теорий. Важно, чтобы Власть гарантировала неотчуждение каждого гражданина от всех форм собственности, как это происходит сейчас. То есть Законом вводится запрет присваивать чужую собственность, будь то чужая личная (частная), семейная, коллективная, национальная.

Вроде бы очевидные рассуждения, но тем более не допустимо нарушение этого принципа, святого с начала цивилизации и записанного в Библии как заповедь «не укради».

Проблема вся в том, что само право собственности еще не достаточно развито, чтобы гарантировать все виды собственности. Если для частной (лично) и семейной собственности цивилизация выработала приемлемые механизмы, то право коллективной и государственной собственности нуждается в доработке. Предполагается ввести право коллективной собственности, регламентированного посредством персональных именных счетов. Именные счета должны фиксировать долевую часть собственности коллектива, которая капитализируется. В отличие от частной (личной) собственности управляет этой собственностью не сам собственник, а совет предприятия, администрация, но хозяином остается не одно частное физическое лицо, а весь коллектив. Национальная собственность охраняется, управляется Госаппаратом в интересах всех граждан, составляющих Государство, и никакая часть национальной собственности не может использоваться ни как частная, ни как коллективная собственность.

Национальная собственность тем и отличается от частной и коллективной, что в ней не может быть выделена персональная доля каждого.

В данном контексте свободный собственник означает, что каждый гражданин не отчуждается от своего труда, но свободы каждого ограничены правами частной (личной), семейной, коллективной, государственной собственностью.

РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ здесь означают, что ВСЕ граждане (от Президента до самого «простого») являются собственниками своего труда (результатов труда, не в натуре, а в стоимостном эквиваленте) независимо от профессии и вида собственности предприятия, где человек работает. Работник «частного» сектора или «бюджетник» являются равноправными собственниками, равно как сами госслужащие и работники «силовых структур».

СВЯЗАННЫХ ЕДИНОЙ ЦЕЛЬЮ. Собственность – это больше материальная категория, но не хлебом единым жив человек, особенно если признаётся Божественное начало, объединяющее всех нас. Бог в каждом из нас. Единая духовная, культурная, образовательная среда проявляется в каждом из нас. Нельзя все аспекты деятельности и намерений записать как право собственности.

Остаются в Законе возможности, которые решаются субъективно в зависимости от морали и нравственности каждого гражданина. Не все понимают ещё взаимозависимость всех членов общества. Одни составляют единство целей на иррациональном уровне, ощущают себя неотъемлемой частью Государства (как живого организма) на иррациональном (божественном) уровне, и дополняют несовершенство Права своей совестью. Другие, напротив, используют несовершенство Права в своих корыстных личных и групповых целях, вольно или невольно нанося ущерб другим гражданам. Наибольшие возможности субъективных злоупотреблений несовершенством права у работников Власти, госслужащих. Если госчиновник исповедует единство личных целей и интересов государства – это доброкачественный чиновник, его труд полезен не только ему самому, но и всему обществу. Если личные интересы выше государственных – это недоброкачественный чиновник, и его субъективные решения наносят ущерб Государству как нации. Чем больше таких злоупотреблений регламентируется Законом, и чем жёстче такой закон соблюдается Властью – тем более демократично Государства.

Но нельзя всё списывать и на закон, каждый госчиновник вносит субъективность в любое решение, и тогда критерием доброкачественности решения является результат, а не намерение. Если с этих позиций оценивать демократические реформы, то виновников дефолтов, бедности и коррупции найти нетрудно.

Нетрудно видеть, что такой принцип противоречит «либеральному» принципу «разрешено всё, что не запрещено законом». А к чему привёл такой «либерализм» уточнять не надо.

И ОБЩИМИ ИНТЕРЕСАМИ СО ВСЕМ МИРОМ. Это понимание, что наша суверенность должна вписываться в мировое содружество, здесь и отношение к экология, к глобализму. Это отказ от имперских замашек, но это и понимание того, что у нас есть собственные национальные интересы, которые не во всем совпадают с интересами чуждых нам цивилизаций. Здесь тоже любая крайность опасна. Открытость и прозрачность внешнему миру должна быть ограничена национальными интересами, и в то же время должна быть обеспечена свободная конкуренция на мировом пространстве.

РУССКИЙ ОГОНЁК

Погружены
 в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели.
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное, без звёзд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли)
Мелькнул в пустыне,
как сторожевой ...
я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
и услышал, отряхивая снег:
- Вот печь для вас и тёплая одежда ...
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала ...
Как много жёлтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:
Огнём, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет ...
- Скажи, родимый,
Будет ли война? -
И я сказал: - Наверное, не будет.
- Дай бог, дай бог ...
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет ...
и вдруг опять:
- Не будет, говоришь?
- Нет, - говорю, - наверное, не будет.

- Дай бог, дай бог ...
и долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
Но я глухим брэнчанием монет
Прервал её старинные виценья ...
- Господь с тобой! Мы денег не берём!
- Что ж, - говорю, - желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью ...
Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь как добрая душа,
Горишь во мгле - и нет тебе покоя ...

1965

▣

Сибирь, как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый
Воздушный, солнечный, цветистый
Как мыльный радужный пузырь
А вдруг он лопнет, этот мир?
Вот-вот рукою кто-то хлопнет -
И он пропал ... Но бригадир
Сказал уверенно: «Не лопнет!»
Как набежавшей тучи тень,
Тотчас прошла моя тревога,
На бригадира, как на бога,
Смотрел я после целый день ...
тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Ещё бы церковь у реки, -
И было б всё по-вологодски.

1966

▣